

Зеленин Дмитрий Константинович

**Народные присловья и
анекдоты о русских жителях
Вятской губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Константинович З.**
Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии / Зеленин Дмитрий Константинович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 56 с.

ISBN 978-5-519-85991-2

ISBN 978-5-519-85991-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НАРОДНЫЯ
Присловья и Анекдоты
О РУССКИХЪ ЖИТЕЛЯХЪ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(Этнографическій и историко-литературный очеркъ
Д. К. Зеленина).

I. Что такое присловье?

Присловье можно опредѣлить, какъ *прозвище, относящееся не къ единичному лицу, а къ группѣ лицъ, составляющей собою географическое или этнографическое цѣлое*. Такою группою можетъ быть улица, деревня, село, городъ, уѣздъ или часть его (въ послѣднемъ случаѣ представляющая собою этнографическое цѣлое), древнее княжество, народъ.

Понимаемое въ этомъ смыслѣ *присловье* будетъ терминомъ, такъ сказать, полународнымъ, какова и большая часть другихъ нашихъ терминовъ, относящихся до народной словесности. Терминологія народная вообще неопредѣленна. Сказка=рѣсказъ=исторія; *присловье*=*прибаутка*=*побасенка*,—однѣ и тѣ-же понятія народъ называетъ разными именами **). Исслѣдователямъ не-

*) Считаю своимъ долгомъ выразить свою благодарность уважаемому Члену-Секретарю Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, *Николаю Александровичу Спасскому*, всегда любезно снабжающему меня необходимыми для моихъ работъ рѣдкими мѣстными изданіями.

**) *Присловьями* часто называютъ прибайки, любимыя словечки, упо-

обходимо взять одинъ изъ народныхъ терминовъ и условиться на счетъ его точнаго смысла и значенія. *Сазаровъ*, *Даль*, а за ними и *Можаровскій*, три болѣе извѣстныхъ сопрателя народныхъ присловій понимали терминъ „присловье“ одинаково. Изъ нихъ только В. И. Даль пытался дать опредѣленіе присловья, а именно въ словахъ: „Присловье весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ цѣлой мѣстности, коей жителей дразнятъ, бранятъ или чествуютъ приложеннымъ къ нимъ присловьемъ“ („Напутное“ къ первому изданію „Пословиць русскаго народа“).

Присловье можетъ заключаться въ одномъ словѣ (наприм. „слѣпороды“), но можетъ быть выражено и цѣлымъ предложениемъ („Котеляне гоголѣ молились“), діалогомъ („Откуда ты молодець?—Спаськой купецъ. А чѣмъ торгуешь?—Краснымъ товаромъ, салными свѣщами и чистымъ дегтемъ“), даже разсказомъ. Въ послѣднемъ случаѣ присловье сливается съ народнымъ анекдотомъ, сохраняя лишь свой главный отличительный признакъ: тѣсную связь съ какою-либо географическою или этнографическою единицею.

Присловье, вмѣстѣ съ пословицею и поговоркою, —къ которымъ оно вообще близко,—относится ничуть не къ прозѣ, а къ поэзіи. „Голая рѣчь не пословица“. Присловье всегда выражается иносказательно, часто —двусмысленно. Это относится даже къ присловьямъ, характеризующимъ промыслы жителей извѣстной мѣстности, т. е. къ самымъ, такъ сказать, прозаическимъ по своему содержанію присловьямъ. Вмѣсто того, чтобы назвать борисоглѣбцевъ просто скорниками, присловье называетъ ихъ „кислоглѣздыми“. Вообще, присловье очень любитъ трунить; свѣжій непосредственный народный юморъ бьетъ въ немъ ключемъ.

II. Стоитъ ли собирать и изучать присловья?

Народныя присловья интересны для изслѣдователей, равно какъ и для всѣхъ интересующихся бытомъ и поэзіей народа, во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего, присловья составляютъ одинъ изъ *отдѣловъ*

треблемыя въ рѣчи безъ всякой надобности, по одной привычкѣ, въ родѣ: „видите ли да“, „не правда ли“, „товано“, „такъ вонъ оно какъ“ и т. п.

народнаго творчества, наравнѣ съ народными пословицами, пѣснями, сказками и т. п. Какъ произведеніе народнаго генія, они характеризуютъ намъ народное міросозерцаніе, раскрываютъ душу народа.

Подобно другимъ народно-поэтическимъ произведеніямъ, присловья имѣютъ свою *литературную исторію*. Мотивы присловій подвергались вліянію другихъ народно-поэтическихъ произведеній и, въ свою очередь, вліяли на эти послѣднія; они переходили отъ однихъ народовъ къ другимъ; подвергались вліянію книжной письменности и такъ или иначе отражались въ этой послѣдней. Изслѣдованіе присловій въ этомъ направленіи можетъ пролить свѣтъ на культурную исторію народа, на его отношенія къ сосѣдямъ и т. п.

Во вторыхъ, присловья являются голосомъ народа о самомъ себѣ (и о своихъ сосѣдяхъ). Въ этомъ отношеніи присловья особенно интересны для *этнографа*. Какъ народъ самъ себя дѣлитъ? въ чемъ видитъ свое отличіе отъ другихъ народовъ? въ чемъ усматриваетъ отличіе жителей одной мѣстности отъ жителей другой? Отвѣты на эти вопросы мы находимъ прежде всего въ присловьяхъ.

Присловья помогаютъ установить изслѣдователю дѣленіе народа на *этнографическія группы*, не только болѣе крупныя, но и мельчайшія. Установка этихъ группъ—одна изъ трудныхъ задачъ этнографіи, особенно въ настоящее время, когда особенности народнаго быта и говора все болѣе и болѣе стираются, когда могучая нивелирующая рука городской и фабричной „цивилизации“ подводитъ все подъ одинъ знаменатель и когда, въ виду постоянныхъ передвиженій и переселеній народа, путаются и мѣшаются всякія этнографическія границы. Можно указать случаи, когда завзятые этнографы, сравнительно хорошо на мѣстѣ ознакомившіеся съ извѣстною областію, не могли установить такихъ группъ. За примѣрами ходить не далеко. *В. К. Магницкій*, авторъ нѣсколькихъ этнографическихъ трудовъ, изъ которыхъ два посвящены Уржумскому уѣзду, не поинялъ существованія въ этомъ уѣздѣ двухъ различныхъ этнографическихъ группъ: коренныхъ жителей и позднѣйшихъ переселенцевъ. Въ его статьѣ „Особенности русскаго говора въ Уржумскомъ уѣздѣ“, напечатанной въ V-мъ томѣ „Извѣстій“ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, мы встрѣчаемся съ полнымъ смѣшеніемъ этихъ

двухъ группъ. Всѣмъ уржумцамъ авторъ настойчиво, оспаривая мнѣніе проф. Колосова, навязываетъ вятскій говоръ, которымъ говорятъ одни „починовцы“. Между тѣмъ народъ прекрасно отличаетъ „починовцевъ“ отъ собственно-уржумцевъ.

Присловья имѣютъ въ виду не позднѣйшее официальное дѣленіе государства на губерніи и т. п., а старое дѣленіе на княжества и уѣзды, а также дѣленіе собственно-народное, обязанное всецѣло народной наблюдательности. Старинныя княжества и уѣзды представляли собою, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, этнографически цѣлое. Самъ народъ дѣлитъ также по этнографическимъ (и діалектологическимъ) признакамъ, и только по нимъ. Вотъ почему мы называемъ присловья лучшимъ подспорьемъ для изслѣдователя при дѣленіи народа на этнографическія группы.

Отъ точной установки этнографическихъ группъ должно начинаться, по нашему мнѣнію, всякое этнографическое и *діалектологическое* изученіе данной области. Съ этими группами необходимо долженъ считаться и *историкъ*, для котораго очень важно прослѣдить ходъ и исторію колонизаціи края. Присловье подтруниваетъ не надъ своими, а надъ чужими, надъ пришедшими съ другой стороны или изъ другого мѣста. Уже отъ одного обилія присловій для извѣстной губерніи можно съ увѣренностію заключать о этнографической пестротѣ населенія этой губерніи.

Помогая установить этнографическія группы, народные присловья даютъ въ то же время обильный и прекрасный матеріалъ для сравнительной характеристики этихъ группъ. Народъ замѣчательно тонко подмѣчаетъ самыя мелкія отличія *въ бытъ, говоръ и характеръ* своихъ сосѣдей. Въ первомъ случаѣ присловья наиболѣе интересны для *этнографа*, во второмъ—для *діалектолога*, въ третьемъ—для *психолога*. Примѣры читатель въ изобиліи найдетъ ниже. Если этнографы и діалектологи отчасти, хотя бы чуть-чуть, пользуются присловьями для своихъ цѣлей, то о этнографической психологіи (переведемъ такъ, во избѣжаніе недоразумѣній, извѣстный нѣмецкій терминъ *Uoelkerpsychologie*) нельзя сказать и этого. Это вообще слишкомъ еще молодая наука и очень мало разработанная. По отношенію къ этнографическимъ группамъ русскаго народа она не сдѣлала, въ сущности, рѣшительно ничего. Никто не пытался установить *психологическія отличія*, положимъ, вятчанина отъ пермяка, костромича и т. п.,

куранина отъ орловца, и т. д. и т. д. Между тѣмъ, отличія эти несомнѣнно существуютъ. Для будущаго ихъ изслѣдователя богатый матеріалъ дадутъ народныя присловья.

Наконецъ, если къ присловьямъ присоединить народныя пословицы и поговорки географическаго содержанія (см. ниже гл. XI), тогда мы получимъ представленіе о *суммѣ географическихъ свѣдѣній народа*.

III. Собираніе вятскихъ присловій.

Въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ *И. П. Сахарова* мы находимъ цѣлый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Русскія народныя присловья“, гдѣ приводятся присловья о жителяхъ 102 русскихъ городовъ, въ алфавитномъ порядкѣ послѣднихъ. Въ томъ числѣ приведено пять присловій о „вятичанахъ“. Въ сборникѣ пословицъ *И. М. Снегирева* приводится также не мало присловій, ничѣмъ не выдѣленныхъ изъ общей массы; есть присловья и о Вяткѣ. *В. И. Даль* въ своихъ „пословицахъ русскаго народа“ *) помѣстилъ присловья въ главѣ „Русь—Родина“, распредѣливъ ихъ по губерніямъ. Даль въ значительной мѣрѣ использовалъ сборники, какъ Снегирева, такъ и Сахарова.

Спеціально вятскимъ (вмѣстѣ съ казанскими) присловьямъ посвящена замѣтка *А. Можаровскаго* въ приложеніи къ его книгѣ „Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей“ (Казань 1882). Авторъ отчасти заимствовалъ у Сахарова, но больше приводитъ свои собственные записи въ Казанской губерніи. Маленькая замѣтка *А. Можаровскаго* была перепечатана въ „Календарѣ Вятской губерніи“ на 1894 годъ (стр. 143).

Кое-что изъ вятскихъ присловій находимъ въ упомянутой уже выше статьѣ *Мамникова* въ „Извѣстіяхъ“ Казанскаго Общества Исторіи etc. (т. V); въ „Матеріалахъ для объяснительнаго словаря Вятскаго говора“ *Васнецова* (въ „Памятныхъ Книжкахъ“ В. губ.), и въ *нашихъ* работахъ: „Особенности въ говорѣ юговосточной части Вятской губ.“ (въ „Живой Старинѣ“ 1901 г., вып. I) и „Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ.“ (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. LXXVI).

Года четыре тому назадъ я началъ спеціально собирать русскія народныя присловья, надѣясь, рано или поздно, издать возможно полное собраніе ихъ, съ объясненіями характера этнографическаго, психологическаго и историко-литературнаго. Во время своихъ поѣздокъ по Великороссіи я пользовался всякимъ случаемъ — въ вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ, на постояломъ дворѣ въ городѣ, въ деревнѣ, — чтобы вызвать мѣстныхъ жителей на разговоръ о присловьяхъ, разговоръ ничуть не теоретическій, а, такъ сказать, чисто практический. Узнавъ родину или мѣстожительство своего случайнаго знакомаго, я

*) Ниже цитую ихъ вездѣ по 1-му изданію.

„сыпалъ“ ему присловьями о данной мѣстности, иногда подтрунивая надъ необходимымъ собесѣдникомъ, а чаще серьезно спрашивая его, говорятъ ли у нихъ такъ-то и такъ-то и вѣрно ли это? (Прочитавъ существующіе сборники присловій, я знаю массу ихъ наизусть, почему и могъ „сыпать“ ими). Въ отвѣтъ мнѣ слышались новыя присловья: русскій человѣкъ вообще любить поострить надъ „ближнимъ“; особенно этимъ отличаются мѣщане, торговцы и „фабричные“, которые, благодаря своимъ скитаніямъ и обращенію съ разнымъ народомъ, часто обладаютъ замѣчательно богатымъ запасомъ присловій, чуть не о всѣхъ мѣстностяхъ Руси великой.

Помимо того, я привлекъ къ собиранію присловій своихъ знакомыхъ, въ частности товарищей по университету, жителей самыхъ разныхъ уголковъ Россіи. Въ настоящее время у меня до сотни сотрудниковъ—корреспондентовъ. (Въ томъ числѣ на Вяткѣ только одинъ: подлинно, что „ни одинъ пророкъ въ своемъ отечествѣ не пріемлется“).

Въ цѣляхъ возбужденія интереса къ присловьямъ и ихъ собиранію среди сельскихъ жителей я напечаталъ нѣсколько статей о присловьяхъ разныхъ губерній въ общедоступныхъ журналахъ, которые читаются главнымъ образомъ въ глухой провинціи. А именно: въ самомъ началѣ 1903 года мною напечатана въ журналѣ „Природа и Люди“ (№№ 18—19) статья „Сѣверъ Россіи въ народномъ языкѣ, пословицахъ и присловьяхъ“; въ томъ же году въ журналѣ „Живописная Россія“ двѣ статьи: „Народныя присловья о владимірцахъ“ и „Прикамскій край въ русскомъ народномъ языкѣ, пословицахъ и присловьяхъ“. Небольшія замѣтки—вопросы по поводу объясненія нѣкоторыхъ мѣстныхъ присловьяхъ напечатаны мною въ газетѣ „Волховскій Листокъ“ 1904 г., № 273 („Почему повгородцы „долбежники?“) и въ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1904 г. № 147/152 („Надызы въ Уфимской губ.“).

Не безъ связи, какъ кажется, съ моею статьею о присловьяхъ Прикамскаго края въ „Живописной Россіи“ (№№ 124—126) появилась въ „Приложеніи къ Вятскимъ Губ. Вѣдомостямъ“ (1903 г. № 132) статья о. *И. Мултановскаго* „Народный говоръ про Вятскую страну“, гдѣ авторъ *) приводитъ рядъ народныхъ присловій о жителяхъ и селеніяхъ Вятской губерніи, пытается объяснить нѣкоторыя изъ нихъ, и въ заключеніе, приглашаетъ „знатоковъ народнаго говора“ дополнить его „коллекцію“. Этотъ призывъ о. Мултановскаго имѣлъ очень большой успѣхъ. Въ той же газетѣ появились вызванные имъ замѣтки: 1) *Ив. Грузавина* „Дополненіе къ статьѣ „Народный говоръ про Вятскую страну“ (1903 г. № 139); 2) *наша* статья „Народныя присловья о вятчанахъ“ (1903 г. № 143) и 3) статья извѣстнаго писателя-самородка *А. Грудцына* „Изъ разсказовъ о вятчанахъ“ (1904 г. № 17) **).

Такимъ образомъ, для присловій Вятской губерніи имѣется и довольно богатый печатный матеріалъ. Его я также намѣренъ использо-

*) Записи о. Мултановскаго относятся главнымъ образомъ къ Яранскому уѣзду.

**) Записи г. Грудцына сдѣланы въ Уржумскомъ уѣздѣ.

вать въ своей настоящей статьѣ. Цитовать буду указывая только фамилію автора, при чемъ цитата съ отмѣткою „срв.“ (сравни) будетъ означать, что данное присловье я и самъ слышалъ изъ устъ народа; отсутствіе же этой отмѣтки будетъ означать, что самъ я даннаго присловья не слышалъ.

Для объясненія присловій Вятской губерніи я, какъ мѣстный уроженецъ, къ тому же исколесившій эту губернію вдоль и поперекъ, обладаю большими данными, чѣмъ для какой-либо другой російской губерніи. Это обстоятельство и даетъ мнѣ смѣлость выступить съ настоящею статьею, гдѣ я дѣлаю первый опытъ изданія народныхъ присловій по той широкой программѣ, по которой я надѣюсь издать въ будущемъ всѣ русскія присловья (сначала великорусскія, а потомъ—бѣло-и малорусскія). При всемъ томъ, имѣющихся у меня данныхъ еще недостаточно для полной картины. Кое-о-чемъ я принужденъ пока умолчать; въ другихъ случаяхъ, какъ я вижу и чувствую, вкрались неточности, ошибки... Одна надежда: что любезные читатели не откажутся исправить мои неточности и заблужденія, а попутно пришлютъ (въ г. Юрьевъ-Дерптъ, Маріенгофская 10. Дм. Конст. Зеленину) и дополненія, касающіяся какъ Вятской губерніи, такъ и присловій всѣхъ прочихъ губерній Россіи.

VI. Этнографическія группы среди русскаго населенія Вятской губерніи,

съ краткими указаніями на ходъ колонизаціи края.

Освѣщая народныя присловья и народныя географическіе термины данными этнографическими и діалектологическими, получаемъ слѣдующую картину этнографическаго дѣленія русскихъ жителей Вятской губерніи.

Какъ и большинство російскихъ губерній, Вятская губернія не представляетъ собою этнографическаго цѣлаго. Едва не половина русскаго населенія Вятской губерніи не считаетъ себя „*вятчанамъ*“.

Таковы прежде всего жители юго-восточной, прикамской, части губерніи, уѣздовъ: Сарапульскаго, Елабужскаго и восточной части Малмыжскаго (въ послѣднемъ, впрочемъ, больше инородцевъ: вотяковъ, черемисъ и башкиръ, чѣмъ русскихъ). Этнографическая граница, отдѣляющая *вятчанъ* отъ *сарапульцевъ*, идетъ, въ предѣлахъ Малмыжскаго уѣзда, по р. Лѣбани (притокъ Кильмези), отъ устья которой спускается на р. Вятку и проходитъ около этой рѣки, по ея лѣвую сторону.

„Ты изъ-за Лѣбани видно?“ такимъ вопросомъ отвѣчаетъ сямсинецъ, селтинецъ и ихъ сосѣди на вопросъ какого-либо нолинца или кильмезца, и этотъ вопросъ равносильнъ словамъ: „ты, братецъ, и говоришь то не по нашему, и все у тебя не наше: ты—вятчской!“—Въ с. Люкѣ, Сарапульскаго уѣзда и около его, дорогу, идущую по направленію къ Малмыжскому уѣзду, называютъ уже дорогой „въ вятскую сторону“. — Какъ отсюда, спрашиваете вы люковскаго мужичка, проѣхать въ Кыйлудъ? — А это: надо въ вятскую сторону ѣхать вамъ!

Общее мѣстное названіе для живущихъ „въ вятской сторонѣ“ — *вятчанѣ* (часто съ прибавкою: *слѣпороды*), а также: *роговьѣ*, *рожекѣ вятскіе*. — *И рожекѣ рожекѣй стал!* выражаются въ томъ же с. Люкѣ про мѣстную уроженку, выданную замужъ „въ вятскую сторону“ (большую частію въ починки, населенные „вятчанами“: такіе починки есть и въ восточной части Малмыжскаго уѣзда) и начавшую говорить и одѣваться повятски. Или: „ли-ко, рожки вятскіе наѣхали!“

Терминъ *рожекѣ* или *роговьѣ* для меня былъ до послѣдняго времени неяснымъ. Теперь я съ большею увѣренностію вывожу его отъ имени селеній Малмыжскаго уѣзда: *Рожки*. Селенія съ такимъ названіемъ имѣются и въ Вятскомъ уѣздѣ (№ 795 по „Списку населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“ Спб. 1876) и въ Слободскомъ (№№ 12866 и 12869 по тому же списку). Быть можетъ изъ Вятскаго уѣзда это имя принесено переселенцами и въ Малмыжскій. Въ послѣднемъ намъ извѣстно четыре селенія съ тѣмъ же именемъ. Два на Вятскомъ почтовомъ трактѣ: 1) село Рожки (Шокровское тожъ; № 8152; въ 26 верстахъ отъ гор. Малмыжа) и 2) дер. Рожки малые (Вопсинеръ тожъ; при рч. Рожкинкѣ, въ 24 вер. отъ уѣзднаго города; № 8151); эта деревня дала свое имя Малорожкинской волости, центромъ которой она является); и два починка по правую сторону Сибирскаго тракта: 3) поч. на Анлетъ-рожки (при безымянномъ ключѣ, въ 161 вер. отъ гор. Малмыжа; № 7669) и 4) поч. Рожки (Мокроусовской тожъ) при рч. Кузыкѣ (7581; въ 130 вер. отъ уѣзднаго города).

Изъ этихъ четырехъ селеній насъ интересуютъ только два первыхъ, лежащія въ Малорожкинской волости. Послѣдняя расположена по берегамъ (главнымъ образомъ по правому) рѣки Вятки, много ниже устья р. Кильмези. Такимъ образомъ, волость эта лежитъ какъ разъ на этнографической границѣ и при томъ, такъ

сказать, на юру, — на людномъ и видномъ мѣстѣ: нигдѣ на рѣкѣ Вяткѣ нѣтъ такой массы плотовъ (а значить и сплавщиковъ, и вообще, пришлаго люду), какъ на устьѣ Кылмези; лѣсъ сюда идетъ даже съ р. Нылги, т. е. уже изъ Сарапульскаго уѣзда.

Названіе жителей одной волости стало именемъ для всей этнографической группы („всей“ въ ограниченномъ смыслѣ, потому что, напримѣръ, котельяне сарапульскимъ крестьянамъ, въ сущности, совершенно неизвѣстны, только развѣ по глухимъ слухамъ). Это обычное явленіе въ народномъ языкѣ. Для примѣра укажу на терминъ *бизюкі*. Калужане называютъ такъ всѣхъ бѣло-руссомъ; между тѣмъ, безспорно (такое объясненіе далъ и мнѣ крестьянинъ изъ с. Закрутое, Жиздринскаго у.), что собственно *бизюкъ* означаетъ жителя одной Бизюкской волости, Дорогобужскаго уѣзда *).

Сами себя жители Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ называютъ „*сарапульцами*“ и „*слабужцами*“ и протестуютъ, если ихъ назвать, по губерніи, *вятчанами*. Малмыжцы вятчане (жители западной части уѣзда) зовутъ ихъ также „сарапульцами“ и „елабужцами“ и выражаются: „ѣхать *подъ Сарапулъ*“, „*подъ Елабугу*“. Особого названія для всѣхъ жителей Сарапульскаго, Елабужскаго и восточной части Малмыжскаго уѣзда, составляющихъ собою этнографическое цѣлое, страннымъ образомъ, не создалось; изрѣдка, впрочемъ, употребляется въ этомъ широкомъ смыслѣ терминъ: *сарапульцы*. Общая кличка, какъ кажется, *гогары*.

Сарапульцы и елабужцы тяготеютъ къ Камѣ, къ Перми. Съ пермской же стороны шла сюда и колонизація. Напримѣръ, мнѣ хорошо извѣстно, что жители с. Люка, находящагося въ 70 верстахъ отъ Камы (30 вер. отъ Ижевскаго завода), понаѣхали лѣтъ сто тому назадъ, изъ с. Гольяна (пристань на р. Камѣ). Вятчане, впрочемъ, изрѣдка встрѣчаются и здѣсь, точнѣе: потомки быв-

*) Въ Самарской губ. *роговьѣ* означаетъ „рогожи“. Понимаемое въ такомъ смыслѣ присловье *роговѣ* болѣе всего подходило бы къ самимъ сарапульцамъ, которые какъ разъ въ большихъ размѣрахъ занимаются тканьемъ рогожъ.—По нашему мнѣнію, *роговьѣ* возникло изъ *рожки*: послѣднее слово показалось недостаточно выразительнымъ; да и необходимо было собирательное имя, какъ *вятчанѣ* (при *вятчане*).

Приведенное объясненіе термина *рожки* дано мною на основаніи теоретическихъ соображеній: въ народѣ такія объясненія не встрѣчаль.

шихъ вятчанъ, ничѣмъ теперь не отличающіеся отъ своихъ сосѣдей. О присутствіи ихъ можно заключать лишь по фамиліямъ: напримѣръ, въ приходѣ того же с. Люка встрѣчается фамилія *Вятчанинъ*.

Для уржумцевъ и яранцевъ (переходимъ къ юго-западному краю губерніи) терминъ *вятчане* равносильнъ съ терминомъ *починовцы* (отъ слова *починокъ* „новая начинающаяся деревня; *починовцы*—жители починовъ). Такъ называютъ здѣсь сравнительно-недавнихъ переселенцевъ, не успѣвшихъ еще слиться съ кореннымъ населеніемъ уѣздовъ. Переселенцы эти понаѣхали изъ центральныхъ вятскихъ уѣздовъ: Котельническаго, Орловскаго, Вятскаго и, отчасти, Нолинскаго, и являются, такимъ образомъ, дѣйствительно „*вятчанами*“. Поселились *починовцы* большею частью уже въ XIX вѣкѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ успѣли, однако, переселиться подважды; напримѣръ, жители с. Рожнецова, Яранскаго уѣзда, переселились сначала въ Уржумскій уѣздъ (с. Кичма), а оттуда уже въ Яранскій.

Рядомъ существуютъ и другія названія, по ближайшимъ сосѣдямъ - вятчанамъ. Для Уржумскаго уѣзда такими сосѣдами являются Нолинцы, почему *ноля* или *ноля вострокопѣтая* стало здѣсь синонимомъ вообще вятчанъ (срв. Васнецовъ въ Пам. Кн. 1892, стр. 4 отд. оттиска). Для яранцевъ эти сосѣди *котѣляне*, почему послѣдній терминъ сталъ здѣсь равносильнъ названіямъ: *починовцы* или *вятчанѣ*.

Коренные яранцы (исключая *кукаръ*?) и уржумцы сами себя вятчанами не считаютъ. Тяготѣютъ они больше уже къ Казанской губерніи. Первоначальная колонизація шла сюда откуда-то съ Волги; напомнимъ, что вся юго-западная половина Яранскаго уѣзда и омывается уже не бассейномъ р. Вятки, а непосредственно — волжскимъ бассейномъ. — Среди коренныхъ жителей Яранскаго уѣзда имѣется, впрочемъ, нѣсколько группъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Обозрѣвъ южную часть губерніи, перейдемъ теперь на сѣверо-востокъ. Здѣсь не-вятчане жители глухого *Кая*, т. е. бывшаго Кайскаго уѣзда (волости: Трушниковская и Кайгородская). Это—пермяки, не только потому, что мѣстный край всегда тяготѣлъ къ Перми (онъ и лежитъ на р. Камѣ) и входилъ прежде, въ качествѣ самостоятельнаго Кайскаго уѣзда, въ Пермскую гу-